

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

04 | 2011

3105)
Р60

И однажды
в апреле
Гагарин...

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

Байбаков
и
Баку

Ильич
и Троцкий
на охоте

Российскому
государству —
1150

РОССИЯ и ИТАЛИЯ

НОВОСТИ О ПРОШЛОМ

Антонелло **ВЕНТУРИ**,
профессор Пизанского университета

У МИФОЛОГИИ В ПЛЕНУ

Русская эмиграция в Италии и революция в России

К моменту, когда партия большевиков захватила власть в Петрограде, миф о русской революции уже широко распространился по всей Западной Европе. В Италии русские эмигранты, демократы и социалисты активно этому способствовали. В начале 1917 года, после падения царизма, эмиграция подняла новую волну пропаганды в попытке не только взбудоражить итальянскую общественность, но и определить реальный смысл великого политического мифа, ставшего реальностью. В чём же состояло для тогдашних мифотворцев истинное значение русской революции?

Задача была не из лёгких. Итальянцы в принципе мало знали о российских перипетиях, а в особенности о силах, появившихся на революционной арене. Но и сами эмигранты не могли уследить за стремительно развивающимися событиями, продолжая верить в старые политические мифы. В 1917 году эмиграция уже не могла служить инструментом познания сути революции: она была лишь привилегированным каналом распространения в Италии политических мифов о России. Однако именно поэтому её тогдашняя история представляет интерес, ибо в быстрой эволюции этого зарубежного микрокосма прослеживаются траектории реагирования русской демократической интеллигенции на крутые виражи революционной действительности.

Далеко не вся старая эмиграция, поток которой после 1905 года сделался довольно обширным и стабильным, в 1917-м находилась в Италии. Два главных её центра — вилла Максима Горького на Капри, где собирались социал-демократы, в том числе Ленин и А. А. Богданов, и виллы в окрестностях Специи, где проживал А. В. Амфитеатров и куда съезжались эсеры, например Г. А. Лопатин и В. М. Чернов, — после 1913 года прекратили своё существование. После объявления амнистии по случаю 300-летия дома Романовых многие эмигранты смогли легально вернуться в Россию. Оставшиеся стали собираться в более надёжном, хотя и довольно узком семейном кругу. В Сан-Ремо продолжала работать вилла-санаторий жены Г. В. Плеханова, которая была врачом-фтизиатром и начиная с 1908 года помогала главе русской социал-демократии проходить зимний курс лечения на берегу Средиземного моря. По его примеру эсер Чернов стал неизменно проводить часть года в Лигурии, где проживали его вторая жена и её племянник В. В. Сухомлин, в

1916 году комментировавший события в России в центральном органе Итальянской социалистической партии (ИСП) газете «Аванти» («Вперёд»).

В самом начале революции Плеханов дал интервью ежедневной газете «Пополо д'Италия» («Народ Италии»), которую основал тогдашний социалист-интервенрист Бенито Муссолини. Он заявил, что революция является естественной политической эволюцией производительных сил России. По его словам, теперь перед русским пролетариатом стояла задача упрочения нового строя и победы в войне против Германии и Австро-Венгрии, иначе приостановится всё экономическое и политическое развитие России¹. До возвращения в Россию он соглашался выступать только на страницах печатного органа Муссолини, в котором видел главу революционных сил.

Миф о революции, призванной модернизировать экономику и ускорить победу России в войне, был не единственным, который распространяла в Италии русская эмиграция. Весьма популярную интерпретацию российской действительности дал Сухомлин. В первые месяцы 1917 года он считал происходящее в России началом массовой народной революции, борьбой миллионов крестьян за землю и свободу и заявлял, что ввиду исторической слабости русской буржуазии революцию неизбежно возглавят социалисты. Революция представлялась эмигрантам не взрывом, а логическим завершением более чем полувековой эпохи².

Сухомлин не без оснований критиковал «поистине удивительное невежество и попросту инфантильное легкомыслие» итальянской печати, видевшей в крестьянском мире России оплот реакции³. Но и сам рисовал весьма фантастические картины, говоря о политической гегемонии единственной «русской социалисти-

ческой партии», игнорируя разногласия в её среде. При его посредничестве «Аванти» напечатала несколько статей Чернова о мировом значении русской революции, о ценности её примера для Западной Европы. Сухомлин же твердил, что все русские социалистические фракции вскоре объединятся и даже Ленин, «догматик... чересчур оторвавшийся от потребностей реальной жизни и экономического развития», не устоит перед напором этого движения⁴.

По поводу войны читателям «Аванти» предлагались лишь несбыточные надежды самого Сухомлина⁵. В середине июня он наконец отбыл в Россию, где был избран членом ЦК РСДРП, а затем депутатом Учредительного собрания. Однако же в Италии благодаря его публикациям укрепилось определённое недопонимание ситуации в России. Так, под влиянием его высказываний в 1917 году даже будущий глава Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши считал, к примеру, Чернова главным действующим лицом революции.

В конце 1917 года русские эмигранты, выступавшие за продолжение войны, создали собственный орган для пропаганды идеи скорого возвращения России на поля сражений и для разъяснения принципов российского народнического социализма и разработки будущих идеальных политических отношений между Италией и Россией. 2 декабря в Риме начал выходить еженедельник «Ла Руссия» («Россия»), который финансировало посольство, назначенное ещё Керенским. Во главе еженедельника стояли двое российских интеллигентов, придерживавшихся далеко не одинаковых взглядов, — экономист и эсер К. Р. Качоровский, исследователь современной русской общины, проживавший в Италии с 1909 года и активно включившийся в дискуссию об идеологи-

ческом реформировании народничества, и довольно известный философ дворянин (дед его отличился в героической обороне Севастополя) Б. В. Яковенко, также поселившийся в Италии в 1909-м. Их объединяло резкое неприятие Октябрьской революции из-за её антидемократического характера и отказа нового правительства продолжать войну с Германией. На первом этапе работы журнала Яковенко представлял правое крыло его учредителей. Однако он воспринимал советскую власть с отстранённым спокойствием историка, пребывавшего под влиянием революционного мифа⁶.

Качоровский был более радикален и агрессивен в своём отрицании правительства Ленина и самой идеи диктатуры меньшинства⁷. По его собственным словам, именно война привела его к идеям Джузеппе Мадзини, к синтезу понятий класса и нации и к радикальному патриотизму русского революционера. Внутреннее равновесие в журнале просуществовало недолго. В конце апреля 1918 года в Риме была сформирована «Русская лига возрождения родины в тесном единстве с союзниками»: за этим стояла тенденциозно-унитарная формула всей эмиграции, ожидавшей помощи от западных держав, а именно военной интервенции Антанты, которая поддержала бы русскую демократию в её стремлении вновь открыть Восточный фронт.

Через месяц Качоровский был выведен из редколлегии, и журнал продолжал выходить под редакцией одного Яковенко, изменив название на «Ла Руссия Нуова» («Новая Россия»). К Лиге же примкнула большая часть демократически настроенной русской эмиграции в Италии, правда, призвав её к уточнению программы, дабы та отвечала «искреннему стремлению установить подлинно демократический порядок и истинно народную власть»⁸ и могла «помочь русскому народу спасти и укрепить недавние завоевания революции»⁹. С помощью журнала «Ла Руссия Демократика» («Демократическая Россия») и публикации серии брошюр на итальянском языке во второй половине 1918 года русская эмиграция вновь доказала свою жизнеспособность и установила конструктивный диалог с итальянскими демократическими силами. Однако попытки убедить ИСП защищать в Италии не «большевистский мятеж», но «русскую революцию» успеха не имели¹⁰.

В ноябре 1918 года с окончанием войны, когда отпала необходимость в интервенции союзников, и одновременно с военным переворотом Колчака на не охваченной большевизмом территории

России произошёл раскол русской эмиграции в Италии¹¹.

В эмигрантской печати вновь зазвучали голоса в пользу объединения всех социалистических сил России против «большевизма голубых кровей», то есть царизма¹², но эта программа сулила эмиграции новые политические осложнения. Плыть в русле великих мифов о революции становилось всё труднее: эмиграция всё больше отдалялась от российской реальности. «Ла Руссия Нуова», отвергнутая прежним посольством, в феврале–апреле 1919 года свернула деятельность, и когда снова стала выходить, полностью переродилась. У Яковенко больше не было сомнений: «Большевизм — это творение и истинный продукт русского революционного движения... Большевик для достижения высокой цели пользуется низменными средствами»¹³. Профинансированный ИСП последний номер «Ла Руссия Нуова» появился в феврале 1920 года, когда её главный редактор уже был арестован итальянской полицией.

Характерное совпадение: всего за месяц до того в Риме был основан другой журнал эмиграции — «Ла Руссия дель Лаворо» («Трудовая Россия»), плод прямого соприкосновения эмиграции с суровой российской действительностью. Редактором журнала стал эсер Г. И. Шрейдер, известный журналист, эксперт по земскому хозяйству и теоретик городского самоуправления. В Италию он приехал в 1906 году и так хорошо знал эту страну, что в 1913-м энциклопедический словарь Гранат даже доверил ему написать статью о политике тогдашней Италии. Он вернулся в Петроград в мае 1917 года и сразу же был избран первым городским головой революционной столицы. В долгую ночь захвата Зимнего дворца он возглавил последний эскорт, защищавший правительство, чтобы потом пережить все драматические перипетии, выпавшие на долю сторонников третьей демократической силы.

Сначала его арестовали большевики, потом Деникин; в 1919-м он вновь

эмигрировал в Италию и вместе с братом И. И. Шрейдером стал бороться против советского и большевистского мифа, бытовавшего в зарубежном общественном мнении. Антидемократический режим, русский коммунизм, объясняли Шрейдеры, есть не что иное, как «карикатура», дискредитирующая революцию и служащая «живым свидетельством против социализма»¹⁴. Они уверяли, что вскоре вспыхнет «восстание трудящихся масс России против фальшивого социалистического правления большевиков»¹⁵; однако власть Ленина крепла благодаря экономической помощи европейской буржуазии, которая «наконец-то усмотрела за громогласной большевистской риторикой нечто совершенно чужеродное — дух авторитарности и практику деспотического насилия»¹⁶.

В конце 1920 года, когда ИСП была близка к расколу и образованию ИКП, «Ла Руссия дель Лаворо» всё ещё утверждала, что перед итальянскими социалистами стоит задача остаться в Коминтерне и бороться за изгнание из нового революционного Интернационала русских коммунистов, «слишком закрытых и неуправляемых, а значит, слишком неподотчётных всякому серьёзному международному социалистическому централизму»¹⁷. В скором времени, потерпев поражение на всех фронтах, не только «Ла Руссия дель Лаворо», но и вся русская эмиграция в Италии перестанет существовать как независимая политико-культурная единица. Отдельные личности ещё будут действовать во всё более замкнутой политической сфере, подавляемой фашизмом. В частности, сын Г. Шрейдера до 1925 года пытался популяризировать в Италии мысль Чернова о том, что историческая ошибка европейского социализма было ограничение собственных горизонтов западным промышленно-капиталистическим миром, а будущее за теми, кто способен понять революции крестьянского и колониального мира¹⁸.

История революционного мифа продолжалась...

Примечания

1. De Falco G. Il dovere del proletariato russo dopo la rivoluzione liberatrice. Intervista con Giorgio Plekhanoff//Il Popolo d'Italia. 1917. 25 marzo.
2. Junior [Suchomlin V. V.]. La Rivoluzione russa. Milano. 1917.
3. [Suchomlin V. V.]. Il pericolo del «mugik»//Avanti! 1917. 29 aprile.
4. Junior [Suchomlin V. V.]. Lenin//Avanti! 1917. 25 aprile.
5. Junior [Suchomlin V. V.]. La revisione dei patti e l'efficienza dell'esercito russo//Avanti! 1917. 30 maggio.
6. Jakovenko B. La Russia e la stampa alleata//La Russia. № 2. 1917. 7 dicembre.
7. Kačorovskij K. I bolsceviki e il

- «bolscevismo»//La Russia. № 3. 1917. 21 dicembre.
8. [Jakovenko B.]. Editoriale senza titolo//La Russia Nuova. № 1. 1918. 16 giugno.
9. [Jakovenko B.]. Editoriale senza titolo//La Russia Nuova. № 5. 1918. 16 luglio.
10. Kolpinskaja A. Il leninismo, la Russia e la guerra//La Russia nuova. № 7. 1918. 6 agosto.
11. [Jakovenko B.]. La minaccia di reazione//La Russia Nuova. № 24/25. 1918. 10 dicembre.
12. [Jakovenko B.]. Commento redazionale a Un appello dei socialisti rivoluzionari//La Russia Nuova. № 3/4/ 1919. 7 febbraio.
13. [Jakovenko B.]. La nostra tattica//

- La Russia Nuova. № 18/20. 1919. 30 ottobre.
14. Šrejder I. Sarebbe possibile un accordo fra i partiti socialisti russi?//La Russia del Lavoro. № 2/3. 1920. 31 gennaio 1920.
15. Šrejder I. Ai compagni d'Italia!//La Russia del Lavoro. № 1. 1920. 15 gennaio.
16. Šrejder I. Il flirt borghese-bolscevico//La Russia del Lavoro. № 7. 1920. 7 marzo.
17. Šrejder I. L'obbedienza all'Internazionale o agli ordini di Mosca?//La Russia del Lavoro. № 13. 1920. 17 ottobre.
18. Šrejder I. Nuovi orizzonti socialisti//La Critica Sociale. 1925. 16–31 gennaio.